

К.К. Чуканов

КОРОЛЬ РЕПОРТАЖА

Публикации В.А. Гиляровского
в газетах и журналах конца
XIX века

Кирилл Чуканов

**Король репортажа. Публикации
В.А. Гиляровского в газетах
и журналах конца XIX века**

«Неолит»

2019

УДК 82(091)
ББК 83.3(2Рос=Рус)

Чуканов К. К.

Король репортажа. Публикации В.А. Гиляровского в газетах и журналах конца XIX века / К. К. Чуканов — «Неолит», 2019

ISBN 978-5-6042415-4-7

В книге собраны неизвестные современному читателю публикации В.А. Гиляровского, которые были сделаны в 1881–1899 годах в таких изданиях, как «Русские ведомости», «Московский листок», «Русская газета», «Россия», «Журнал спорта» и др. Впоследствии эти материалы не переиздавались. Эти статьи интересны не только с точки зрения истории отечественной журналистики, но живо и красочно представляют быт страны и Москвы конца XIX века. Книга представляет огромный интерес не только для специалистов в области истории, но и для многочисленных почитателей творчества В.А. Гиляровского.

УДК 82(091)
ББК 83.3(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-6042415-4-7

© Чуканов К. К., 2019
© Неолит, 2019

Содержание

Предисловие	6
Почему «дядя Гиляй» сказал не всё	6
Закономерные случайности	9
Новый старый выбор	12
Из театра в литературу	14
«Беллетрист, поэт, журналист и славянофил»	18
Эдиционные принципы	21
«Русская газета» (1881)	22
Сцена и кулисы	22
«Московский листок» (1881–1882)	23
Разные репортажи и заметки	23
Театральные анекдоты	23
Курьёзные рекламы и афиши	23
Денщики. Из кавказских воспоминаний	24
С Нижегородской ярмарки	26
В адресном столе	27
Проезжий корнет	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Кирилл Чуканов
Король репортажа. Публикации
В.А. Гиляровского в газетах
и журналах конца XIX века

Издание осуществлено при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках реализации государственной программы Российской Федерации «Развитие культуры и туризма»

© Чуканов К.К., 2019

© Издательский дом «Неолит», 2019

Предисловие Легенда русской журналистики

Почему «дядя Гиляй» сказал не всё

Среди его документов, хранящихся в Российском государственном архиве литературы и искусства, есть специфическая визитная карточка. Изготовлена в начале 1900-х годов и не для официальных визитов предназначена. Вручалась друзьям и знакомым. Там, можно сказать, автохарактеристика:

*«Беллетрист,
поэт,
журналист
и славянофил»¹.*

Про «беллетриста» и «поэта», разумеется, шутка. Он сам не раз признавал, что славы не стяжал ни прозой художественной, ни стихами. Зато как журналисту ему и не нужно было представляться: едва ли не вся читающая Россия знала, чем славен Владимир Алексеевич Гиляровский – «король репортёров».

Так его называли читатели-почитатели. На рубеже XIX–XX веков можно было не упоминать фамилию: ясно, о ком речь.

Другой вопрос – почему «славянофил». Эта дефиниция к началу 1900-х годов уж лет тридцать как утратила актуальность, да и не слыл Гиляровский пропагандистом славянофильских идей. Наконец, отнюдь не принято было характеризовать себя идеологически на визитных карточках.

Про «славянофила» – тоже шутка, понятная друзьям и знакомым. Всероссийски знаменитый журналист иронически объяснил, почему добровольцем отправился на русско-турецкую войну 1877–1878 годов и через двадцать с лишним лет, пренебрегая опасностями, публиковал сенсационные репортажи из Сербии, противостоявшей могущественной Австро-Венгрии.

Количество периодических изданий в Российской империи тогда исчислялось тысячами, журналистов, даже и репортёров – много. Но такой, как Гиляровский, был, по общему мнению, один. Раньше прочих успевал он печатать репортажи о пожарах, катастрофах и стихийных бедствиях, и всё же его репутацию формировала не только журналистская оперативность. Он позволял себе то, на что не отваживались коллеги: детально изучал быт и нравы обитателей городских трущоб, преступников, бродяг.

По свидетельствам современников, он страха не знал. И при этом обладал незаурядной физической силой, что знакомым охотно демонстрировал. Мог узлом завязать железную печную кочергу, пальцами легко сворачивал монеты «в конверт».

О дожурналистских своих приключениях рассказывал много. Сначала знакомым, позже – в мемуарных книгах. Потому биография «короля репортёров» считалась общеизвестной.

Родился в селе под Вологдой, сын помощника управляющего крупным поместьем. Поступил в гимназию, учился там нехотя, правда, читал много. Свёл знакомство с цирковыми артистами, освоил акробатику и джигитовку. Не окончив гимназический курс, бежал из дому, бродяжничал, до Волги добрёл, работал в артелях бурлаков и грузчиков. Служил в пехотном полку, а после вновь странствовал по России. Жил случайными заработками: истопник, рыбак, табунщик, акробат и наездник в цирке. Наконец, стал актёром провинциального театра, однако

прервал сценическую карьеру, отправившись добровольцем на русско-турецкую войну. Попал в команду войсковых разведчиков, награждён так называемым солдатским георгиевским крестом. Затем на сцену вернулся и, не снискав актёрской славы, окончательно выбрал профессию литератора.

Такова – вкратце – долитературная биография «короля репортёров». Можно сказать, Гиляровский до Гиляровского. И, стоит вновь подчеркнуть, что всё это он сам рассказал о себе в мемуарной книге «Мои скитания»².

Отношение литературоведов к мемуарным источникам – традиционно недоверчивое. Но легендарному «дяде Гиляю» верили безоговорочно. Даже несмотря на выявившиеся противоречия. Например, две разные даты рождения³.

В 1928 году литературная Москва отмечала семидесятипяtilетие Гиляровского. И журнал «Огонёк» напечатал его статью «Мои семьдесят пять лет»⁴.

Следует отсюда, что родился Гиляровский в 1853 году. Другой вывод невозможен.

Но иная дата рождения – в автобиографии для «Словаря членов Общества любителей Российской словесности при Московском Университете. 1811–1911». Там сказано: «Я, Владимир Алексеевич Гиляровский, родился в 1855 г. 26 ноября»⁵.

Бесспорно достоверный источник лишь в XXI веке обнаружен. Судя по записи в церковной метрической книге, Гиляровский родился именно в 1855 году⁶.

Отсюда следует, что сведения, предоставленные для отмечания юбилея в 1928 году, – мистификация. Просто озорство.

Но в советскую эпоху у Гиляровского была и веская причина, чтобы мистифицировать свою биографию. Например, утаивать или же исказить сведения о сословной принадлежности, так называемом социальном происхождении.

В книге «Мои скитания» он сообщил, что отец его – потомок запорожских казаков. А ведь не мог не знать, что такого сословия в XIX веке не было.

Мать Гиляровского, согласно законам Российской империи, относилась к сословию мужа. Но про сословную принадлежность отца Гиляровского сведений нет.

В досоветскую эпоху таиться было незачем. Отец – сын дьякона. Как тогда говорили, «из духовных».

Окончил семинарию, однако священнослужителем не стал. Поступил в полицию, выслужил чин. А уж потом были и управление чужим поместьем, и служба в губернской администрации.

Подобного рода сведения о родителях скрывали многие в советскую эпоху. Социальную дискриминацию подразумевала характеристика «классово чуждый».

Да, Гиляровскому это уже не грозило. Но он счёл нужным избавить свою литературную репутацию от политического ярлыка.

Что до пресловутых «скитаний», так работу бурлацких и грузчицких артелей Гиляровский описывал детально, и в деталях он точен. Потому нет оснований сомневаться: был и бурлаком, и грузчиком.

Сомнения другое вызывает. Невнятно описаны те обстоятельства, в силу которых Гиляровский выбрал не карьеру, соответствовавшую происхождению, а пресловутые «скитания».

Если верить мемуарам, он ещё в детстве познакомился с вологодскими политическими ссыльными, один из которых дал гимназисту роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?». Книга и определила выбор нового пути. Будущий «король репортёров» захотел стать таким же сильным, как легендарный волжский грузчик-богатырь Никитушка Ломов.

Версия романтическая. Но развиваться физически Гиляровский мог бы, продолжая обучение в гимназии. Раньше ведь получалось.

Фактор вынуждения тут угадывается. Биографы отмечали, хоть и мимоходом, что Гиляровский – при несомненной одарённости – был в гимназии второгодником. Даже не раз.

Такое вполне объяснимо, если учесть гимназическую специфику: основное внимание уделялось латыни, древнегреческому, немецкому и французскому языкам, а все это не интересовало Гиляровского. Отсюда, разумеется, затруднения с ежегодными экзаменами.

Возможно, роман Чернышевского получил гимназист именно от вологодских ссыльных, и про Никитушку Ломова тоже они подсказали. Не зря Гиляровский упоминал, что «пошел в народ».

Однако уместно предположить, что главная причина была вполне прозаической: в 1871 году не пожелал Гиляровский опять садиться за парту с младшими – стыдно. Вот и сбежал от стыда.

Без паспорта найти какую-либо службу не смог бы, ремесел не знал, денежных запасов не было. В избытке разве что физическая сила. Значит, выбрал новую область деятельности не столько по соображениям романтическим, сколько исходя из трезвого расчёта. Пропитания ради стал бурлаком, а потом и грузчиком.

Закономерные случайности

Гиляровский в книге «Мои скитания» рассказывал, что перемены не планировал. Вольная жизнь в артели по душе пришлась, заработки немалые, был авторитет среди товарищей-грузчиков, ценивших силу и ловкость.

Но, жалея семью, отправлял письма о своих приключениях, и отец, приехавший в Рыбинск, где сын тогда работал, уговорил его съездить домой. В путь отправились на пароходе, там встретили отцовского знакомого, пехотного офицера, и тот предложил Гиляровскому стать юнкером.

Случайная встреча, если верить Гиляровскому, обусловила его решение вновь изменить судьбу. Новая перспектива – офицерская карьера.

Как раз тогда продолжалась военная реформа. Вместо рекрутчины – воинская повинность, срок службы призванных исчислялся уже не десятилетиями, а годами, и недавних юнкеров именовали по-новому: вольноопределяющиеся.

Но суть почти не изменилась. Вольноопределяющимся, т. е. не по официальному призыву на службу поступающим, надлежало, как прежде, иметь хотя бы начальное образование и в полку выслужить обязательный ценз. Его именовали строевым. Далее – перевод в юнкерское училище, где следовало обрести знания и навыки, необходимые офицеру. Затем выдержать экзамены и, наконец, получить офицерский чин.

Службу в полку вольноопределяющиеся начинали рядовыми. Носили солдатское обмундирование, жили в казармах, столовались вместе с другими солдатами.

Правда, начальники обращались на «вы» к вольноопределяющимся, они были избавлены от телесных наказаний и грязной работы, на которую обычно провинившихся солдат отряжали. В остальном – такие же «нижние чины».

До офицерских погон Гиляровскому требовалось пережить годы муштры, скудного казарменного быта. И это – после вольной жизни и грузчицких заработков.

Новый выбор Гиляровский в мемуарах не комментировал. По его словам, принял решение, вот и всё.

Однако спонтанность выбора опять сомнительна. Что бы ни рассказывал сам Гиляровский, нет оснований полагать, будто он собирался остаться грузчиком. Не то происхождение, а главное, совсем другие интересы. В частности, литературные. Если верить мемуарам, ещё гимназистом стихи писал.

Какую бы карьеру ни планировал шестнадцатилетний сын чиновника, начинать следовало с обретения статуса. Официального. В случае Гиляровского первая ступень – гимназический аттестат. Дальше выбор есть: университет ли, иное высшее учебное заведение, служба государственная или по частному найму.

Если же нет свидетельства о среднем образовании, затруднён путь к социальной реализации, соответствующей происхождению. Тогда юнкерский вариант – чуть ли не самый удобный. Кстати, выбор многих.

Служба нелегка, зато вольноопределяющиеся обеспечены едой, одеждой, жильём, и через три года – офицерские погоны. Одноклассникам Гиляровского, закончившим гимназию, ещё рассматривать карьерные варианты, а у бывшего второгодника уже и чин, и гарантированное жалованье. Можно продолжить военную карьеру либо, выбрав другую область деятельности, в отставку выйти. Первый этап социальной реализации пройден.

Разумеется, путь к офицерским погонам можно было бы выбрать и покороче: сразу поступить в училище. Но там и требования к поступающим выше.

Значит, если и оказалась случайной встреча с офицером, результат – поступление в полк вольноопределяющимся – можно считать проявлением закономерности. Отсюда следует,

что Гиляровский, позиционировавший себя как романтика, искателя приключений, мыслит трезво.

Если верить мемуарам, новым его домом стала казарма шестой роты 137-го Нежинского пехотного полка, дислоцировавшегося в Ярославле. Служил исправно, был на хорошем счету, почему и направлен в привилегированное московское Алексеевское училище. Там и случилась беда: в увольнении загуляли юнкера. Развлекались, по обыкновению, в трактире, и возвращался Гиляровский через городской сад, где обнаружил младенца-подкидыша, с ним явился к начальству позже назначенного срока, да ещё и нетрезвый.

Подкидыша сразу отвезли в сиротский приют, а Гиляровского из училища исключили. Он был отправлен в Нежинский полк – с формулировкой «по распоряжению начальства без указания причины».

Вине это не соответствовало. Опоздание – проступок извинительный, если учитывать описанные Гиляровским обстоятельства. Младенца спас юнкер. Нехорошо, конечно, что нетрезвым в казарму вернулся, и всё же он будущий офицер, а не воспитанница Института благородных девиц. Обычное наказание в подобных случаях – несколько суток ареста. Вроде бы не за что из училища исключать.

Обиделся Гиляровский на училищное начальство. Зато в полку его встретили сочувственно. Ротный командир обещал через год отправить в Казанское пехотное училище. Однако недавний юнкер выбрал другое решение: отставка.

Версия опять романтическая: Гиляровский отверг военную карьеру, не пожелав смириться с явной несправедливостью. Однако маловероятно, чтобы причиной отставки стала лишь обида. Подразумеваются и другие факторы.

Если проступок Гиляровского был не первым, а завершал череду аналогичных, решение училищного начальства понятно. Именно потому, что юнкер из вольноопределяющихся – не солдат, а будущий офицер. С него другой спрос. Не успел привыкнуть к военной дисциплине в полку – служи там ещё год «нижним чином».

Тогда понятны и причины, в силу которых Гиляровский решил оставить службу. Их сразу три.

Офицерские погоны ждал бы не больше года, когда стал юнкером Алексеевского училища, однако не менее двух лет – после возвращения в Нежинский полк. Гораздо больше, нежели планировал изначально.

Сведения об исключении – навсегда в послужном списке. Гиляровский стал, как тогда говорили, штрафным.

Значит, если бы после обещанного срока Гиляровского отправили в Казанское училище, там отношение тоже было бы предвзятым. Штрафной. Первая же провинность – и опять в полк: ещё год служи как «нижний чин», привыкай к военной дисциплине. Обычная практика.

Если бы обошлось без провинностей и через два года произвели бы юнкера в офицеры, все равно послужной список испорчен. Карьера уже, как говорится, не заладилась. Дольше других ждал бы повышения. Вот и решил Гиляровский не продолжать службу.

Но это всё опять из области домыслов, а так ли было на самом деле – нельзя проверить. Документы о полковой и училищной службе Гиляровского не обнаружены.

Если верить Гиляровскому, он зачислен вольноопределяющимся 3 сентября 1871 года. Что и должно быть отражено в приказе по Нежинскому полку. А такого документа нет в Российском государственном военно-историческом архиве.

Вины Гиляровского тоже нет. Приказы по Нежинскому полку сохранились лишь за октябрь и ноябрь 1871 года⁷.

Это вполне объяснимо: революции, войны. Архивы перевозили в разные здания, многие документы были утрачены.

Самые ранние из сохранившихся послужных списков рядовых – 1878 года. Гиляровского там, понятно, нет.

Поиск в материалах, относящихся к хозяйственным службам, тоже не дал результатов. Самые ранние приказы – 1900 года.

В «Алфавите прапорщиков и вольноопределяющихся за 1869–1888 годы» Гиляровский тоже не упомянут. Однако не только он вне этого списка оказался. Пропуски и ошибки в подобного рода документах – случаи обычные.

Не значится он и в материалах военного судопроизводства. К примеру, в протоколах дознаний по нарушениям воинской дисциплины. Самые ранние из сохранившихся документов относятся к началу 1890-х годов.

Тем не менее нет оснований утверждать, что рассказы Гиляровского о его полковой службе вымышлены. Есть косвенные подтверждения достоверности: не только сведения топографического характера, но и фамилии офицеров. К примеру, служил в Нежинском полку поручик И.И. Ярилов⁸.

Угадать топографические подробности Гиляровский не мог. Аналогично – фамилии офицеров, их чины в указанный период. Кстати, не исключено, что ещё обнаружатся прямые документальные свидетельства.

О юнкерской службе Гиляровского в Москве тоже сведений нет. Это объяснимо: в 1917 году на территории Алексеевского училища шли бои, документация за искомый период утрачена почти вся⁹.

Но Гиляровский в 1928 году, когда готовил к публикации мемуарную книгу, не мог знать, что документы о его полковой и училищной службе утрачены. Трёх лет не прошло, как началось формирование Военно-исторического архива РСФСР, куда свозили фонды аналогичных досоветских учреждений, и что из прежней документации сохранилось, ещё не выяснили.

Доводы, так сказать, здравого смысла тоже стоит учесть. Гиляровский в 1928 году – все-союзная знаменитость. Не мог он исключить, что ещё здравствуют некоторые его сослуживцы по Нежинском полку и Алексеевскому училищу. Коль так, сочинительство – под угрозой разоблачения. А конфуз легендарному «дяде Гиляю» был не нужен.

Однако это опять домыслы. По рассказам же самого Гиляровского, вернулся он к прежней – бродяжьей – жизни.

Новый старый выбор

С учётом специфики характера, понятно, в силу каких причин Гиляровский опять бродяжничал. Домой возвращаться стыдно: вновь стал второгодником, причём уже не гимназистом – юнкером.

После очередных странствий Гиляровский в цирк поступил. Затем был актёром в провинциальной труппе. А с 1877 года – воевал.

Многие тогда шли добровольцами на войну. Одним важна была идея профессиональная, ведь Россия помогала единоверцам-славянам, угнетаемым турками, другие руководствовались либеральными соображениями – борьба с тиранией Османской империи.

Войну общество встретило с энтузиазмом. Ныне бы сказали, что её прагматика считалась позитивной: если в 1848 году Николай I, помогая австрийскому императору, двинул войска за границу на подавление венгерского восстания, то почти через тридцать лет население Балкан встречало русскую армию как освободительницу.

Отправился на войну и студент Горного института В.М. Гаршин. Вольноопределяющийся пехотного полка был ранен, произведен в офицеры. Писательской известности добился после отставки.

Гиляровский – почти ровесник Гаршина. В мемуарной книге сообщил, что спонтанно принял решение воевать, какие-либо планы на будущее не строил. И это опять вызывает сомнения.

Ему в ту пору двадцать три года, официального статуса нет по-прежнему. А война давала шанс если не в офицеры выйти, так боевую награду получить – «солдатский георгий». И тогда Гиляровский уже не юнкер-второгодник, а герой. Можно сказать, совсем иная рекомендация.

Такого рода соображения нельзя исключить. Но и не доказать, что они были. Если да, то место и время реализации выбраны как нельзя лучше.

В мемуарах Гиляровский сообщил, что к нему полковое начальство относилось уважительно. Пока шла подготовка к отправлению в действующую армию, вольноопределяющегося-актёра отпускали на репетиции, а спектакли с его участием посещали все офицеры – по театральным контрамаркам. Он был, можно сказать, гордостью полка.

Сам Гиляровский такое отношение характеризовал, ссылаясь на своё армейское прошлое. Уважали, потому что службу знал строевую, да и для офицеров не совсем штатский – бывший юнкер.

Контекстом же подразумевалась и другая причина. На войну – добровольно, а не по официальному призыву – отправился актёр, жертвовавший сценической карьерой ради исполнения патриотического долга.

О такой мотивации Гиляровский тоже не сообщил. Военную обстановку характеризовал в мемуарах скупно. Отметил только, что рассуждать про «свои переживания или описывать геройские подвиги – это и скучно, и старо. Переживания мог писать глубокий Гаршин, попавший прямо из столиц, из интеллигентной жизни в кровавую обстановку, а у меня, кажется, никаких особых переживаний и не было. Служба в полку приучила меня к дисциплине, к солдатской обстановке, жизнь бурлацкая да бродяжная выбросила из моего лексикона слова: страх, ужас, страдание, усталость, а окружающие солдаты и казаки казались мне скромными институтками сравнительно с моими прежними товарищами...».

Гиляровский, по его словам, был зачислен в двенадцатую роту 161-го Александропольского пехотного полка. С ним и отправился в действующую армию. Там по-прежнему искал приключения. Что не раз подчеркнул: «На войне для укрощения моего озорства было поле широкое».

Потому и пошёл в команду войсковых разведчиков. Их называли охотниками: брали туда лишь «по своей охоте».

Служба у разведчиков была рискованная. Гиляровский отметил: «Много их перебили за войну, а всё-таки охотники находились. Зато житьё у них привольное, одеты кто в чём, ни перед каким начальством шапки зря не ломают и крестов им за отличие больше дают».

Вряд ли случайно упоминание о «крестах». Престижные награды.

«Солдатский георгиевский крест» получали не только по соответствующему представлению ротного командира. Вся рота должна была проголосовать: достоин.

Награда была нужна Гиляровскому. Это, впрочем, не противоречило сказанному им про «озорство», тягу к приключениям. Если верить его мемуарам, был награждён.

Однако прямых документальных подтверждений боевого прошлого нет. Послужной список вольноопределяющегося Александропольского пехотного полка не обнаружен в фондах РГВИА.

Вины «короля репортёров» опять нет. Документация Александропольского пехотного полка за указанный срок не сохранилась. Вообще нет полковых документов, относящихся к XIX веку. Утеряны сведения о службе не только Гиляровского, но и других вольноопределяющихся.

Зато есть косвенные подтверждения сказанному Гиляровским о русско-турецкой войне. Он в мемуарах упомянул имена некоторых сослуживцев, их документы сохранились. Правда, уже не в материалах Александропольского полка. В частности, обнаружен послужной список ротного командира – «капитана Карганова».

Согласно послужному списку, А.А. Карганов в 1877–1878 годах командовал двенадцатой ротой Александропольского полка. Так называемую Турецкую кампанию начал в чине штабс-капитана, получил и повышение¹⁰.

Не мог бы Гиляровский угадать и полк, и роту, и фамилию командира, и чин его. Да и не только это. Совпадений много. И не исключено, что ещё найдутся прямые документальные подтверждения сказанному в мемуарах.

Опять же, стоит учесть доводы здравого смысла. Гиляровский, по свидетельствам современников, ещё с конца 1870-х годов носил георгиевскую ленточку в петлице, о военных приключениях рассказывал, когда здравствовали многие сослуживцы по Александропольскому полку, так что сочинительство было крайне опасным: разоблачение – навсегда погубленная репутация. Значит, не сочинял.

В 1878 году совсем не долго нужно было служить вольноопределяющемуся, чтобы получить офицерские погоны. Однако после войны он вышел в отставку. Это объяснимо: «солдатский георгий» получен, доказано, что Гиляровский вовсе не второгодник, а герой, да и мечтал он тогда о театре.

Из театра в литературу

Если верить Гиляровскому, театром был увлечён с детства. Неизвестно, собирался ли в ту пору актёром стать, но когда такая возможность представилась, не упустил её.

В театре героя помнили, ждали. Актёрскую карьеру он продолжил. Сохранились афиши, напечатанные в конце 1870-х годов, там указан сценический псевдоним Гиляровского – «Сологуб».

Правда, Гиляровскому доставались лишь эпизодические роли. А он, похоже, на большее надеялся. Так что и сценическая карьера не заладилась.

О его артистизме рассказывали многие современники. Например, познакомившийся с ним уже в советскую эпоху писатель Л.В. Никулин отметил: «Дядя Гиляй был превосходный рассказчик, не лишённый актёрского мастерства (он был близок к театру)»¹¹.

Вот именно – «близок». Не более. Да, помимо артистизма, была у него и, как тогда говорили, фактура: атлетическое телосложение, великолепная физическая подготовка, зычный голос, отчётливая дикция, однако не хватало главного – сценического таланта. Гиляровский уяснил это через несколько лет, почему и ушёл из театра.

Мечтал он и стать поэтом. Не только стихи писать, но печатать их, жить гонорарами, добиться литературной известности.

Этой мечте был верен, даже став знаменитым репортером. Так, А.П. Чехов в одном из писем 1891 года рассказывал: «Охотно бы продал и Гиляровского с его стихами, да никто не купит. По-прежнему он влетает ко мне почти каждый вечер и одолевает меня своими сомнениями, борьбой, вулканами, рваными ноздрями, атаманами, вольной волюшкой и прочей чепухой, которую да простит ему бог»¹².

Чехов не вполне прав. Находились покупатели на стихи Гиляровского. В газетах печатал их под различными псевдонимами ещё будучи актёром, о чём сам рассказал в мемуарах.

Однако спрос на его лирику оказался не велик. И успехи в области поэтической юмористики тоже. Характерный пример – опубликованное московской «Русской газетой» летом 1881 года стихотворение «Бюст»¹³.

Лирический герой описывает историю своей женитьбы. Точнее, выбора жены:

Познакомился я с нею
В благороднейшем семействе
И никак не мог подумать
Об обмане и злодействе!

Что за «обман», понял слишком поздно. Сначала – ухаживал «целый год совсем бесплодно».

В итоге сватовство, венчание. Однако и разочарование —

Этой девственной грудью
Я один лишь обладаю!!! —
И супругу в исступленьи
Крепко к сердцу прижимаю!
И представьте, что нашёл я:
Грудь прямая, как лопата,
Чем я прежде любовался,
Была вата! только вата!!!

Газеты «Русское слово» и «Московский листок» тоже публиковали стихи Гиляровского. Но к этой поэзии он сам относился иронически —

Вот и в газете теперь здесь пишу я:
Злое караю, добро похваляю,
И про стихи и куплеты трактую,
Так выражаться всегда я люблю:
Лишнего меньше, и краткость в куплете;
Мысли же – более силы придать!..
Ну, а в душе-то идеи не эти, —
Как бы... побольше с редакции взять!¹⁴

В «Московском листке» пробовал Гиляровский силы и как фельетонист. Для этого выбрал псевдоним новый, привлекающий внимание: «Проезжий корнет».

Псевдониму стиль вполне соответствовал. Будто и впрямь о своих поездках, балагурия, повествовал молодой офицер. Гиляровский даже стихи помещал в фельетоны.

Можно сказать, он и в журналистике оставался актёром. Хотя бы отчасти. Вот и сыграл «проезжего корнета».

Удачно была выбрана маска. Но издатель «Московского листка» – Н.И. Пастухов – счёл неуместным такой псевдоним для репортёра.

Пастухов, как рассказывал позже Гиляровский, прочёл репортаж о пожаре на одной из крупнейших московских фабрик, а «потом засмеялся.

– Корнет? Так корнету и поверят!

Зачеркнул и подписал: «Свой человек»»¹⁵.

Этим псевдонимом подписаны и другие репортажи Гиляровского в «Московском листке». Включая корреспонденции о так называемой Кукуевской железнодорожной катастрофе.

Они принесли Гиляровскому славу удачливого репортёра. Сначала в Москве и её окрестностях, затем – по всей Российской империи.

Как известно, ночью 29 июня 1882 года сильное наводнение размыло насыпь под железнодорожным полотном на участке Московско-Курской дороги близ деревни Кукуевка. Это и стало причиной крушения поезда. Локомотив и семь вагонов упали в образовавшуюся скважину и оказались под размытым грунтом. Результат – сорок два погибших, тридцать пять раненых. Примечательно, что машинист состава, проходившего несколько раньше, сообщил на первой же станции об аварийной ситуации, но дальше сигнал не поступил: не работал телеграф. Чиновники Министерства путей сообщения попытались воспрепятствовать распространению сведений о масштабе трагедии: едва начались спасательные работы, войска ближайшего гарнизона срочно оцепили место катастрофы. Солдатам было приказано не пропускать за оцепление ни родственников жертв, ни журналистов.

Возможно, чиновничий план удался бы, однако помешал Гиляровский. Бывший разведчик пробрался за солдатское оцепление и две недели вёл хронику, ухитряясь отправлять репортажи в «Московский листок», где специально для них создали временную рубрику «С места катастрофы на Курской железной дороге».

Популярность газеты значительно увеличилась, имя лихого репортёра – несмотря на псевдоним – узнали едва не все коллеги. Это был журналистский триумф Гиляровского.

В 1883 году Гиляровский стал репортёром газеты «Русские ведомости». Это очередная карьерная ступень.

Стихи всё ещё публиковал, но – в других изданиях. Гиляровский позже вспоминал о «Русских ведомостях»:

«– Наша профессорская газета, – называла её либеральная интеллигенция.

– Крамольщики! – шипели черносотенцы.

– Орган революционеров, – определил департамент полиции.

Газета имела своего определённого читателя. Коренная Москва, любившая лёгкое чтение и уголовную хронику, не читала её».

Но хватало других читателей. Да и журналистская репутация стала несколько иной. О том Гиляровский вспоминает с гордостью: «Какое счастье было для молодого журналиста, кроме ежедневных заметок без подписи, видеть свою подпись, иногда полной фамилией, иногда «В. Г-ский», под фельетонами полосы на две, на три, рядом с корифеями!»

Были там «корифеи». Как известно, в «Русских ведомостях» печатались В.Г. Короленко, Д.Н. Мамин-Сибиряк, Г.И. Успенский, Л.Н. Толстой и многие другие знаменитости.

В 1887 году вышла книга Гиляровского «Трущобные люди». Треть её объёма – недавние публикации в «Русских ведомостях». Однако книжные издания контролировались цензурой более жёстко, и почти весь тираж был сожжён в Сущёвской пожарно-полицейской части.

С 1891 года Гиляровский – не только популярнейший репортёр и фельетонист, но также издатель. У него собственное периодическое издание – спортивный журнал.

Тогда спорт в моду входил. Разумеется, модные увлечения – гимнастика, скачки, велосипедные гонки – только для состоятельных подданных Российской империи. Этим и воспользовался Гиляровский.

Он сам был, можно сказать, энтузиастом спорта. В 1882 году стал одним из основателей Русского гимнастического общества. Немалым опытом обладал, спортивных же изданий в России тогда крайне мало, так что конкуренция отнюдь не велика.

Гиляровский начинал с минимума. Собственное издание поначалу именовал «Листком объявлений и спорта».

Это и впрямь был «листок», сложенный пополам. Бумага самая дешёвая, формат примерно А3. Публиковались в новом журнале материалы спортивной тематики, включая шахматную, результаты скачек, переводы статей из зарубежных изданий, посвящённых конному спорту, материалы о скотоводстве и курьёзные истории. Например, заметка про дятлов, которые, отыскивая пропитание, выдалбливали дыры в телеграфных столбах¹⁶.

Однако уже к середине 1890-х годов издание радикально изменилось. Прежде всего, другое название выбрал Гиляровский – «Журнал спорта».

В развороте это уже лист формата А2. Каждый номер – около десяти страниц. Изменилось и содержание. Теперь основное внимание уделено коневодству и конному спорту.

Публиковались не только краткие заметки, репортажи о скачках, но и аналитические материалы. Есть иллюстрации – рисунки и фотографии. Пользуясь современной терминологией, можно сказать, что у издания появился и свой логотип – голова лошади, обрамлённая подковой. На исходе 1890-х годов «Журнал спорта» – еженедельник, авторитетный в соответствующей среде.

Гиляровский не только редактировал свой журнал, но и печатался там довольно часто. Даже стихи опубликовал, хоть и не стали они лучше.

Автор, вновь подчёркнём, это осознавал. И даже оценил свое поэтическое творчество ироническим экспромтом:

«Я памятник себе в потомстве не воздвиг,
Не буду славен в этом мире,
И только, может быть, в трактире
Прочтут приятели мой стих»¹⁷.

Впрочем, стихи Гиляровский напечатал лишь дважды. В основном его публикации – о конезаводах, скачках. Не только краткие заметки, порою и аналитические статьи. Репортажи тоже были. Например, о состязании велосипедистов с кавалеристами, где победили донские казаки.

Иногда Гиляровский использовал псевдонимы. В частности, «Проезжий корнет». Новые тоже придумывал, к примеру, «Джура».

Это была игра. Читатели сразу понимали, кто автор.

«Беллетрист, поэт, журналист и славянофил»

Продолжая издавать «Журнал спорта», Гиляровский в 1899 году стал корреспондентом петербургской газеты «Россия». Там курировал отдел московских новостей.

Срочные корреспонденции печатались в рубрике «По телефону из Москвы». Прочие Гиляровский отсылал почтой. Они публиковались в разделе «Московский дневник».

Работа обычная, репортёрская. Упрочили же славу Гиляровского сербские репортажи.

На Балканах, как водится, было беспокойно. Правительства европейских стран боролись за влияние друг с другом и совместно пытались оттеснить российское. Особенно – в Сербии.

Там ситуация была и вовсе кризисной. Это обуславливалось давней борьбой княжеских династий – Обреновичей и Карагеоргиевичей.

В 1842 году Обреновичи были изгнаны из страны. Шестнадцать лет Сербией правил князь Александр Карагеоргиевич.

Но династическое соперничество продолжалось, и у каждой династии были сторонники. В 1858 году победили Обреновичи.

Через десять лет князем стал Милан IV. Еще четыре года спустя он себя объявил единовластным правителем. И уже в качестве монарха официально именовался королем – Миланом I Обреновичем.

Популярности новоявленный король не снискал. Его считали тираном, и были на то основания: Милан стал буквально марионеткой австрийского правительства, государственным делам не уделял внимания, ездил по европейским странам, увлекался азартными играми, наделал множество долгов, которые возвращал из средств государственного бюджета, а любые протесты сербского населения жестоко подавлял.

В 1889 году, предотвращая назревавший государственный переворот, Милан отрёкся от престола в пользу своего сына Александра. Однако им помыкал и фактически оставался у власти ещё десять лет.

По-прежнему он на австрийцев опирался. Российское влияние тогда изрядно ослабело.

Гиляровский же после русско-турецкой войны посетил Сербию в 1897 году. Был приглашён на состязания гимнастов, организованные спортивным обществом «Душан Сильный».

Успех прогнозировался. Гиляровский, в отличие от местных гимнастов-любителей, был профессионалом: в прошлом – цирковой акробат. И, хоть ему тогда за сорок, спортивной формы не утратил. Так что русского «короля репортёров» наградили медалью «Наибольшему витязю Душана Сильного».

Два года спустя Гиляровский вновь отправился в Сербию. На этот раз – по редакционному поручению газеты «Россия».

В книге Москва газетная» пояснил, что к нему обратился А.В. Амфитеатров, фактически возглавлявший редакцию. Тот утверждал, что «для газеты позарез нужно сенсацию: вся надежда на тебя!».

По словам Гиляровского, сенсацию решил искать в Албании. Она тогда – автономия в составе Османской империи.

Выбор понятен. Европейцы в Албанию попадали крайне редко, страна эта считалась едва ли не самой загадочной на Балканах.

Путь в Албанию – через Белград, куда и приехал Гиляровский. Но его целеполагание внезапно изменилось. Как раз накануне было совершено покушение на Милана, в городе – военное положение, массовые аресты, тюрьмы буквально забиты, полиция занята поисками «русского следа».

Гиляровский остался в Сербии, приняв сторону противников короля. Опасность вполне осознавал, что отметил в одном из репортажей: «Приходилось жутко! Меня выручила моя

медаль, которую я носил на жилете под пиджаком, и в случае недоразумений я показывал её. Надпись «Наибольшему витязю Душана Сильного» производила действие на всех и заставляла быть почтительным»¹⁸.

Благодаря публикациям Гиляровского к ситуации в Сербии было привлечено внимание сначала российской, а затем и мировой общественности. В результате королевской администрации пришлось несколько умерить произвол.

Даже за границей Гиляровский не забывал «Журнал спорта». Так, 1 августа 1899 года там помещена отправленная почтой заметка о Любичском конезаводе. Завершается она ироническим пассажем: «В общем, коннозаводство (так! – К. Ч.) в Сербии слабо. Король Александр ездит на русских рысаках»¹⁹.

После возвращения Гиляровский не оставил сербскую тематику. В августовских номерах «России» печатались его статьи, даже и стихи.

Это вполне объяснимо – впечатлений много. Загадочна лишь одна публикация. Согласно комментарию Гиляровского, перевод на русский язык письма Милана жене²⁰.

Документ, понятно, дискредитировавший короля. Гиляровский указал: «В то время, когда дела пропившегося и проигравшегося по заграничным притонам Милана довели его до крайней степени падения, в то время, когда Милан, как последний бродяга, скитался под чужим именем, скрываясь от кредиторов, он обратился к королеве Наталии с следующим письмом».

Согласно документу, Милан просил жену спасти его от кредиторов. О пьянстве и долговых мытарствах бывшего короля уже знали европейские и российские читатели. Гиляровский, можно сказать, документировал фоновые знания. И комментировал весьма язвительно:

«Королева Наталия, как известно, выручила своего беспутного мужа ради сохранения чести дома Обреновичей.

Это было вдвойне напрасно: спасая Милана по доброте своей души, королева Наталия сохранила палача Сербии, как это видим мы теперь, а фамилия Обреновичей...

Впрочем, пока довольно! О Милане как Обреновиче стоит поговорить особо!..»

Было ли само письмо, если да, то как оно попало к публикатору – сведений нет. Мистификацию нельзя исключить. Существенно же, что Гиляровский по-прежнему старался помочь друзьям в Сербии, последовательно дискредитируя их гонителя.

Благодаря сербским репортажам Гиляровский добился тогда не только всероссийской, но и европейской известности. Не исключено, что ещё и поэтому на его визитной карточке было указано – «славянофил».

Уместно вновь подчеркнуть: к славянофильским идеологическим установкам его публикации не имели отношения, да и соответствующие политические дефиниции уж сорок лет как деактуализовались. Гиляровский шутил, имплицитно предлагая объяснение своего интереса к Сербии, помощи сербским друзьям.

По-прежнему он печатался в газете «Россия». Там – на исходе 1899 года в специальном рождественском номере – опубликован и его рассказ «Сезастра».

Каждый такой номер принципиально отличался от ежедневных. В нём печатались сочинённые корреспондентами газеты рождественские сказки. Вот и Гиляровский опубликовал историю сказочную, фантастическую – о вечной любви египетского жреца, создавшего эликсир бессмертия.

Ни раньше, ни позже Гиляровский ничего подобного не печатал. Все его рассказы так или иначе связаны с личным опытом. Бродяжьим, военным, журналистским. «Сезастра» – исключение. Вот почему эта публикация оказалась вне сферы внимания исследователей.

Допустимо, что её заслонила репутация «короля репортёров». На исходе 1890-х годов он, друживший со многими писателями, журналистами, актёрами, режиссёрами, художниками, сам был, можно сказать, московской достопримечательностью.

Но это уже литературная биография прославленного «дяди Гиляя». Отражённая в его мемуарах, а также работах историков литературы и краеведов.

В книге, предлагаемой вниманию наших читателей, помещены ранние, а потому малоизвестные публикации Гиляровского. Можно сказать, забытые, относящиеся к биографии долитературной.

Эдиционные принципы

Все материалы печатаются по текстам, опубликованным периодическими изданиями в 1881–1899 годах. Орфография и пунктуация приведены к современным нормам. Стилистические особенности публикуемых статей сохранены без изменений.

¹ См.: РГАЛИ. Ф. 145. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 6.

² Здесь и далее цит. по: *Гиляровский В.А. Мои скитания* // Гиляровский В.А. Собр. соч.: В 4 т. М.: Правда, 1989. Т. 1. С. 13–244.

³ См., напр.: *Подольская И.И. Гиляровский В.А.* // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 1992. Т. 1. С. 563–564.

⁴ *Гиляровский В. Мои семьдесят пять лет* // Огонёк. 1928. № 46. С. <7>.

⁵ См.: *Он же. <Автобиография> Словарь Общества любителей русской словесности при Московском университете. 1811–1911.* М.: Печатня А. Снегирёвой, 1911. С. 77–78.

⁶ *Аринин В. Гиляровский на Кубенском озере* // Красный Север. 2005. 1 октября.

⁷ См.: РГВИА. Ф. 2751. Оп. 11. Д. 64–71.

⁸ См.: Там же. Ф. 400. Оп. 12. Д. 14538. Л. 13–25.

⁹ См.: Там же. Ф. 725. Оп. 11–12.

¹⁰ Там же. Ф. 400. Оп. 12. Д. 1147. Л. 3–14.

¹¹ См., напр.: *Никулин Л. «Москва и москвичи» дяди Гиляя* // Москва. 1957. № 3.

¹² *Чехов А.П. Письмо Линтваревой Н.М.* // Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. М.: Наука, 1975. Т. 4. С. 289–290.

¹³ *Гиляровский В.А. Бюст* // Русская газета. 1881. № 153.

¹⁴ *Он же. На языке и в мыслях* // Московский листок. 1881. № 5.

¹⁵ *Он же. Москва газетная* // Гиляровский В.А. Собр. соч.: В 4 т. М.: Правда, 2003. Т. 3. С. 101.

¹⁶ *Телеграф и животные* // Листок объявлений и спорта. 1891. № 65.

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 145. Ед. хр. 31. Л. 4.

¹⁸ *Гиляровский В.А. Из Сербии* // Россия. 1899. № 74. 11 июля.

¹⁹ *Он же. Сербия. (Корреспонденция «Журнала Спорта»)* // Журнал Спорта. 1899. № 61.

²⁰ *Он же. Письмо Милана к королеве Наталии* // Россия. 1899. № 97.

«Русская газета» (1881)

Сцена и кулисы

12 августа на сцене Петровского театра было поставлено произведение Мольера «Тартюф».

Публика заметно отдыхала, смотря прекрасную комедию величайшего комика Франции. Пьеса прошла более чем хорошо, за что нельзя от души не поблагодарить дирекцию.

Главные роли были распределены между Киреевым, Свободиным, Немировой-Ральф и Рыбчинской. Пальма первенства, бесспорно, принадлежит г. Кирееву, этому лучшему в настоящее время русскому исполнителю Мольера, и г-же Рыбчинской. Первый в роли Оргонта создал живой мольеровский тип попавшего впросак доверчивого старикашки, а вторая безукоризненно исполнила роль бойкой горничной. Г. Свободин очень хорошо воспроизвёл тип Тартюфа, хотя местами немного был монотонен и однообразен, что особенно чувствовалось в конце 4 акта. Нельзя не отметить прекрасного исполнения г-жи Немировой-Ральф роли Эльвиры, жены Оргонта. Г. Симскому в роли холодного мольеровского резонёра Клеанта недурно было бы изменить свою походку «петушком», что как нельзя более нейдёт к Клеанту, человеку рассудка до крайней степени. Он сам себя характеризует словами:

Я хвастаться своим не думаю умом,
Но рассудительным быть никогда не рано;
Я правду различать умею от обмана.

Эти слова нужно сказать, чтоб им можно было поверить, а их может сказать лишь мольеровский Клеант, а не увлекающийся беспокойный человек, представленный нам г. Симским. Кстати, не нужно рубить стиха и говорить в одну ноту... Остальные исполнители были все на своём месте и способствовали общему ансамблю, благодаря которому гладко разыгранная пьеса долго останется в памяти зрителя.

После «Тартюфа» шла комедийка «Чашка чаю». Участвовали Гламма-Мещерская, Васильева 1-я, Холодов и Красовский. Исполнена безукоризненно.

«Московский листок» (1881–1882)

Разные репортажи и заметки

Театральные анекдоты

VI

Покойный артист и известный антрепренёр Г. И. Г-в жил вместе со своим суфлёром Ф. Ф. К-ким, который последнее время был почти совсем глухой. Раз они сидят в разных комнатах; Г. И. кричит ему: «Фёдор Фёдорович, не видали ли вы, где мои старые туфли». Бог знает, что глуху показалось Фёдору Фёдоровичу, но только он пресерьёзно ответил: «они прошлый сезон в Саратове служили!»

VII

В городе К. два сезона тому назад были выпущены афиши такого рода: «в бенефис артиста N – дана будет оперетка в 4 д. «Фауст наизнанку». Далее следует названия картин, декораций, действующие лица и, наконец, крупными буквами: во 2-м акте Валентин выедет на сцену на живой лошади работы декоратора С-ва.

VIII

В Саратове два года тому назад была назначена театральная комиссия с целью обсуждать различные вопросы, касающиеся театра. В неё попали некоторые члены Думы, мало знающие это дело. Когда разбирался вопрос о том, какого репертуара больше держаться, заговорили о классических пьесах. Кто-то посоветовал ставить больше пьесы Шиллера. Тогда один из членов комиссии, содержатель гостиницы, Г-в, сказал: «я тоже за Шиллера». – «А вы знакомы с произведениями Шиллера?» – спросили его. – «Вот ещё, прекрасно, – ответил Г-в, – да он каждый раз у меня в номерах останавливается; ещё такой рыженький, бритый».

Курьёзные рекламы и афиши

Наша публика, особенно провинциальная, сильно поддаётся на рекламу. Пользуясь этим, антрепренёры и актёры-бенефицианты придумывают ужасные афиши, неизмеримой величины, изобретают страшные заглавия, забористые картины, вырезают целые клише, буквы в виде чертей, а особенно налегают на выдумывание названий действий и картин. К этому прибегают особенно старинные, как говорится, съевшие собаку в театральном деле антрепренёры. Здесь я приведу несколько примеров афиш самых последних годов.

«Орёл с дозволения начальства. В бенефис В. Н. Морвиль, «Русалка». Драматическое представление в 6 картинах сочинение А. С. Пушкина, (!)с сохранением стихов бессмертного поэта с хорами, провалами, полётами, превращениями, чертями, дьяволами, фуриями, драконами, изрыгающими из пасти ужасные огни и проч. Г-жа Рашель (!!!) исполняет роль Лесты».

Далее следуют картины: 1) Вертящаяся водяная мельница на берегу Днепра. 2) Явление чёрта в тереме князя Славомысла. 3) Огненный дракон, в воздухе держащий за голову Тарабара (действующее лицо), в сопровождении чертей. 4) Преступная любовь. 5) Свадебный пир. 6) Песнь проклятия и власть чертей. 7) Днепровская русалка. 8) Царство русалок и загробная жизнь. 9) Мечь русалки. 10) Возвращение из ада и страшное чудовище. 11) Торжество русалок. 12) Зловещий ворон. 13) Торжественный поезд и 14) Бог воды. В 6-й картине полёт кукушки на дерево, которая будет куковать, и явление петуха, который будет петь при освещении электрического солнца!!!

На верху афиши величиною с добрую простыню красуется большой рисунок, резанный на дереве, изображающий такие страсти, что лубочная картина, представляющая страшный суд, перед ней шутка. Подписано: рис В. В. Морвиль!

В том же Орле 27 октября 1878 года в бенефис Лаврова-Вишневого была выпущена афиша ровно 2 У арш. длины. Громадными буквами, с таким же рисунком, было написано: «Казнь безбожному», новая (!) лирическая трагедия, соч. Висковатого, в пяти эпохах и т. д. Всеми действующими лицами будет исполнен «Адский галоп». Далее значится: «пьеса эта имела громадный успех на всех столичных театрах (!). В Париже выдержала более 1000 представлений сряду (поди, мол, справляйся!). Следуют картины: 1) Проклятие. 2) Вечный жид. 3) Пожар Иерусалима. 4) Гонение христиан. 5) Клеврет Кесаря (в этой картине действ. лица: Матвей, Марк, Лука и Иоанн, дух веры и надежды и Симион из Каринеи). 6) Моровая язва. 7) Угнетение Евреев. 8) Жизнь за жизнь. 9) Воскресение и смерть. 10) Убийство. 11) Преддверие ада. 12) Искушение сатаны. 13) Славословие, и далее следует эпилог «Страшный суд», в котором две картины: «Отпущение грехов» и «Воскресение мёртвых», в заключение – «Русская пляска»!!!

Часто даже переделываются заглавия. Так, в том же Орле была следующая афиша: «25 декабря 1880 года в городском театре представлена будет «Лиза Фомина», дочь ростовщика, или «Злостное банкротство».

Далее «Кручина» – и тут придуманы картины: вот подробная афиша: Орёл. Во вторник, 1 декабря 1881 года, в бенефис А. Е. Воронкова (антрепренёр театра) в 1-й раз новая пьеса: «Кручина», драма в 5 действиях, соч. Шпакинского. Пьеса эта идёт на петербургских и московских Императорских театрах (чего никогда и не бывало!) и пользуется большим успехом.

Действие 1) – «Порыв». 2) «Кошке игрушки и мышке слёзки».

3) Разбитое сердце. 4) Душевные муки и 5) Изглодала кручина. – В прошлом же году 13 сентября в Орле же в пьесе «Сват Фадеич» или «Разбойники на зимовке» были названия ещё курьёзнее: 1) Свидание в кузнице; 2) Петербургский сыщик; 3) Архимандрит на спокойе (!) и 4) Ждали из-за поморья, а пришёл из задворья.

Года два тому назад в Костроме у антрепренёрши Серебряковой, мастерицы всеми средствами заманивать публику в театр, была поставлена оперетка «Фауст наизнанку». На афише перечислялись новые декорации, костюмы и разные приспособления, между прочим было написано: «Во 2-м действии Валентин выедет на живой лошади работы декоратора Снегирёва»!!!

В Острогоске, в 1880 году, в бенефис Дорофея Рыбакова, в известной драме Киреева «Забубённая головушка» значились картины: 1) Бегство непокорных детей из земли Халдейской в землю Ханаанскую; 2) История подкидыша; 3) Адская интрига;

4) Надорванная сила – и т. п. курьёзы.

Денщики. Из кавказских воспоминаний

После минувшей турецкой кампании несколько человек офицеров собрались у одного из своих товарищей, капитана Ш., жившего вместе с прапорщиком А-ским. Дело было в городе

Озургетах¹ в Кутаисской губернии. Время шло весело, вспоминали о походе, только что конченном, рассказывали анекдоты, шутили, пили. Между прочим заговорили о денщиках.

Капитан Ш. хвалил своего Антона, солдатика из немцев, которого капитан Ш. довёл до последней степени исполнительности.

– Вот у меня какой Антон, – говорил он. – Пошлю куда угодно и знаю наверное, сколько минут именно он проходит.

Офицеры выразили сомнение. Кто-то предложил пари.

– С удовольствием принимаю пари, – проговорил Ш. – И вот, для примера, пошлём его за папиросами. Идёт?

– Идёт, держим, – согласились противники.

Условились. Ш. кликнул Антона, который явился моментально.

Это был красивый мальи, одетый по-штатски. Белые волосы и облик лица показывали его германское происхождение.

– Что прикажете? – спросил он почтительно.

– Ступай в лавку к Шапатову, купи мне 25 штук папирос, возьми рубль, да скорее.

– Слушаю-с, – ответил Антон и, ловко, по-солдатски повернувшись, моментально исчез за дверью.

Ш. вынул часы и начал считать минуты.

– Вот он на половине дороги... – считает Ш., – пришёл в лавку... берёт папиросы. идёт обратно. на половине дороги. входит на крыльцо, сейчас войдёт.

Действительно, по лестнице раздались лёгкие шаги Антона, и в минуту он был уже в комнате, запыхавшись от скорой ходьбы, и подал Ш. пачку папирос.

– Молодец, Антон!

– Рад стараться! – молодецки ответил Антон.

– Ну, вот, господа проиграли. – обратился Ш. к товарищам.

Все согласились с капитаном. Протестовал только один А-ский.

– Что ж тут удивительного? – говорил он. – То же самое и мой Афонька сделает.

Громкий задумчивый хохот был ему ответом. Все знали его сонного, неуклюжего, неисполнительного Афоньку.

– Ну что ж, давайте... Хотите пари? – не унимался А-ский. – Я докажу, идёт?.. На дюжину кахетинского, идёт?..

Ради курьёза все согласились.

– Афанасий! – крикнул А-ский. Но Афонька не являлся.

– Афонька! Афонька! – продолжал кричать А-ский, но ответом ему было молчание.

Наконец, Антон впихнул Афоньку в дверь. Афонька был парень огромного роста, неуклюжий до смешного: толстое одутловатое лицо было запачкано сажей, в косматых волосах торчала солома.

– Чего изволите, барин? – спросил он А-ского, зевая во весь рот и почёсывая затылок.

– Вот тебе деньги, ступай в лавочку, да живо!

– Слушаю-с, ваше благородие! – ответил Афонька и опрометью бросился в дверь и загремел по лестнице. Взбешённый А-ский бросился за ним:

– Афонька! Афонька! Дурак! – кричал он ему в вдогонку, но его уже и след простыл.

– Ну что поделаешь с ослом! – оправдывался он на шутки и смех товарищей. Потом прибавил:

– А пари всё-таки идёт!

Снова послышался стук сапог, и Афонька, запыхавшись, влетел в комнату.

¹ Ныне Озургети. – Прим. сост.

– А вы, ваше благородие, зачем меня в лавку посылали? – пренаивно обратился он к А-скому.

– Дурак! Вечно не выслушаешь и бежишь. Ступай в лавку и принеси папирос, да без шапки не смей ходить. Ну, живо!

– Слушаю-с, сию минуту, – сказал он, уходя.

А-ский вынул часы и начал считать:

– На половине дороги. входит в лавку. берёт папиросы. идёт обратно. на половине дороги. сейчас войдёт.

Действительно, на лестнице загремели знакомые шаги Афанасия, и через момент открылась дверь, и вошёл он.

– Молодец, братец! Не ожидали! – воскликнули офицеры.

– Рад стараться! – самодовольно ответил Афанасий.

– Ну что, принёс папиросы? – спросил А-ский.

– Никак нет, ваше благородие, я ещё шапку ишу! – обрадовал Афонька А-ского и рассмешил всю компанию!

С Нижегородской ярмарки

Тихая ныне ярмарка: и торговля идёт как-то вяло, и гостиницы, и всевозможные увеселения торгуют плохо – только успешно идут дела торговцев-трактирщиков на Самокатской площади. В настоящей своей корреспонденции я хочу познакомить читателей с этим нижегородским адом, с этим рассадником разврата самого дикого, любимым притоном беглых каторжников и всевозможных любителей чужой собственности, местом крайней эксплуатации рабочего люда, приносящего сюда добытые потом и кровью трудовые гроши и уносящего отсюда взамен этого тяжёлое похмелье и всевозможные болезни. Главный посетитель здесь – люд рабочий; более интеллигентный человек не пойдёт в эту бездну грязи физической и нравственной. Чтоб познакомить с некоторыми из здешних заведений – начнём с самокатов. Представьте себе двухэтажное здание, вверху которого помещается буфет, столы и стулья по стенам, площадка, на которой играет оркестр военной музыки, а посреди их вертящаяся огромная карусель (самокат), переполненная публикой. Тут на диванчиках особого устройства восседают «гости»: мужики, бурлаки, солдаты, обнимаясь с грязными пьяными проститутками и угощая их водкой прямо из бутылки... За вход сюда платится только 5 копеек, благодаря чему каждый вечер стекается масса простого народа.

Низ самоката сплошь весь занят маленькими номерами, в которых и помещаются проститутки, по несколько в одной комнате.

Самокатов на ярмарке два. Один из них Муртовский, содержится казанским купцом Чибинером, а второй называется самокатом «Травкина-Муравкина». Пошлых удовольствий здесь несравненно более, чем в первом. Страшно написать и трудно поверить!.. Содержится этот второй самокат богачом, владельцем многих домов и имений, костромским 1-й гильдии купцом Арсением Климовым Кудряшовым, который, кроме того, занимал, да и теперь, кажется, занимает высоко почётное место хранителя интересов церкви, словом, место церковного старосты в одной из церквей г. Костромы.

И этот-то почтенный ктитор вместо того, чтобы заботиться о нравственности других и собой показывать пример порядочности, сам развращает и растлевает народ нравственно и физически. Его притон – развитейший в России. Кроме самоката, имеется огромный трактир с безголосыми певицами, есть и турецкий жид-карлик, около аршина роста, упражняющийся на трапедии, пьющий пиво и именующий себя Абрамом Измайловичем. Ему 48 лет от роду. Посещающие самокат Кудряшова купцы заставляют этого карлика проделывать всевозможные штуки. За трактиром помещается сад, плохо освещённый, с павильоном для таких же безголо-

рых певец. В саду карманные кражи постоянны, он кишит жуликами... И посреди всего этого разврата расхаживает почтенный, с окладистой длинной русой бородой, сам Арсений Климович Кудряшов, с любовью посматривающий на дела рук своих.

Свежему человеку, никогда не бывавшему в этом самокатском аду, трудно и представить себе, что делается там: разгул достигает своего апогея под конец «гулянья», кончающегося в час ночи, когда полиция разгоняет почти силою народ с площадей. Самокаты и трактиры запираются, но оргии всё-таки продолжаются до утра, благодаря тому, что существуют так называемые «номера» и «квартиры». Это двухэтажные большие деревянные здания; в нижнем этаже находятся ренсковые погреба с продажей водок, а сверху квартиры массы проституток, где и происходят с утра и до утра ужасные, омерзительные оргии.

Ночью, после часу, когда полиция разгоняет народ с площадей и трактиров, вся гурьба под предводительством обитателей «квартир» направляется в них; двери запираются, и всю ночь идёт оргия, благо вина достать можно сколько угодно, так как внизу есть кабаки, соединённые внутренними лестницами с квартирами. Тут посетители опаиваются водкой и бессовестно обираются нарочно состоящими при содержательницах квартир служащими и выбрасываются часто раздетые донага на улицу.

В нынешнем году «торговля» самокатов и «квартир» гораздо тише благодаря тому, что г. губернатор генерал Безак обращает серьёзное внимание на это гнездилище разврата, и есть надежда, что на будущий год это ужасное место растлевающего зла уничтожится совершенно.

30 июля отправился отсюда до Казани новый пароход г. Зевке, «Амазонка». Пароход нового устройства, колесо одно и помещается сзади кормы. Длина корпуса 200 футов, ширина 36. Машина завода «Рис» из Питсбурга (в Трансильвании). Обыкновенно пароход сидит 2 фута в воде, а с грузом 20 000 пудов – 4 фута. Имеет до 400 индикаторских сил. Давление пара в 150 фунтов. Котлы и машины помещаются не в трюме, как у обыкновенных пароходов, а на палубе. Корпус весь деревянный. Над пассажирским этажом находится ещё этаж для служащих, а ещё выше штурвальная рубка, где помещается командир парохода и лоцман. Управляется пароход посредством звонков рупора. Пароход имеет ещё ту особенность, что может приставать к берегу без дебаркадера.

В адресном столе

Утро. Адресный стол полон самым разнокалиберным людом, толпящимся около решётки, из-за которой выглядывает иногда чиновник, забирает вновь написанные на клочках бумаги адреса и выкрикивает имена и фамилии. Часть публики в ожидании сидит на лавочках; некоторые около стола пишут адреса. У лестницы поместился субъект с усами, в потёртом военном мундире и опорках. Он предлагает некоторым из посетителей свои услуги.

– Па-аслушай, почтенный, тебе адрес, что ли? – обращается он к входящему мужику в зипуне.

Мужик останавливается, не отвечая на вопрос, и начинает оглядывать углы комнаты, наконец, увидел образ и перекрестился.

– Адрес, что ли, тебе написать, любезный? – пристаёт к нему мусью с усами.

– Не надоть! – отвечает мужик и продолжает рассматривать публику.

– Так зачем же ты пришёл? Ведь здесь адресная контора...

– Вишь ты, почтенный. сами-то мы тульские. елизаровские. земляк у нас здесь живёт. Иваном Митревым звать. так насчёт его фатеры мы пришли.

– За чем же дело, так бы и сказал, – говорят усы и ведут мужика к столу.

На лавке слева от входа сидят трое: купец с окладистой бородой, женщина в салопе и господин с «Станиславом» в петлице. Встаёт вертлявый, белобрысый молодой купчик в пальто с багровым воротником и говорит вошедшему своему брату:

- Николай Алексеевич!
- А! Илье Петровичу нижающее. Как в своём добром здоровье-с? – раскланивается тот.
- Слава Богу-с. А вы откуда, из Скопина?
- Так точно-с, от родителей. Василья Тихоновича разыскиваю. Дома их не оказалось – говорят, переехал. тоже адреса не знают.
- Эва схватился! Наплюйте на это дело-с! Вторую неделю полиция бьётся без толку... По-интендантски поступил!..
- Господин с «Станиславом» подымается и становится в позу.
- Как изволите говорить-с, Илья Петрович?
- По-интендантски-с; двести паспортов и капиталы слизнул.
- Господин с «Станиславом» бросает на говорящего грозный взгляд и уходит.
- Ах ты, сделай милость?! По-нашему-с, по-скопински, из кассы карманное население сделал?
- Другой коленкор: так как за последнее время в должности мещанского старосты состоял, то сейчас получил на почте деньги и паспорта, и был таков!
- Чистота-с в отделке! Ай да дядюшка!.. Пойти всё-таки попытаться насчёт адресов, – говорит купчик и обращается к проходящему писцу с пачкой каких-то бланков в руке:
- Эй, милая душа, господин писарь! Мне бы насчёт.
- Что-с?! Невежа-с! Для тебя не писарь, поди там где-нибудь другого поищи.
- Плевать мне, я те по душе!.. Я тебя словом-то не.
- Чиновник останавливается и тихо разговаривает с купчиком. Около женщины в салопе собралась толпа.
- Много денег пропало? – обращается к салопнице один из толпы.
- Двести тысяч!
- Двести!!
- Двести тысяч. Сейчас он уехал в заграницу.
- Как же это он ухитрился?
- На ночь в конторе остался, в трубу залезши сидел. А ключи-то подобраны были – как все ушли, он и оборудовал. Сейчас ломового извозчика и на вокзал.
- А что, позвольте полюбопытствовать, теперь его адрес скажут здесь? – спрашивает какой-то господин в пальто.
- А вам, господин, для чего-с? Разве чужой паспорт требуется? А? Вы из каких сами-то будете?
- Отвяжитесь, не с вами говорят.
- Нет, вы какое имеете полное право насчёт фальшивых паспортов. Значит, у вас вида надлежащего не имеется, чужой купить хотите.
- Да я из любопытства.
- Знаем мы это любопытство... А отчего я не спрашиваю, где паспорта продаются? Значит, мне их не надо, я и не спрашиваю. Господа! Будьте свидетелями.
- Пальто проталкивается сквозь толпу к лестнице. Из конторы выходит чиновник и начинает читать билеты:
- Мещанка Агафья Тихонова Чернобородова, на Бронной.
- Здесь, батюшка. – от толпы отделяется старуха и получает билет.
- Две копейки! – спрашивает чиновник.
- За что это, родненький?
- За бланк адреса.
- Христа ради нельзя?.. Я бы за родителей, родненький, помолилась.
- Ну, давай, некогда.
- Старуха достаёт две копейки.

- Маляр Александр Михайлович Кондратьев!.. – громко отчеканивает чиновник.
- Майор, батенька мой, заслуженный майор и кавалер, читать не умеете! – раздаётся голос из угла, принадлежащий высокому отставному офицеру на деревяшке.
- Извините-с. – оправдывается растерявшийся чиновник.
- То-то, извините-с! Деньги берёте, а читать не выучились, – говорит офицер, выбрасывая две копейки и получая справку, и затем спускается по лестнице, громко стуча деревяшкой. Чиновник продолжает выкликать фамилии.

Проезжий корнет

I

«Город чудный, город древний».

Так выразился наш поэт о Москве. О Коломне приходится выражаться иначе, так:

Город скучный, город древний,
Но не чудный, а чудной,
И лишь только от деревни
Отличается стеной!..

Да, знаменитой в истории России стеной, твердыней неприступной, которую не могли взять, не могли разрушить полчища неприятелей. Теперь же от неё остались только развалины. Что не могли сделать храбрые войска татар, поляков, двенадцати языков Наполеона – то сделали более изобретательные коломенцы и в продолжение немногих лет растащили крепость на различный домашний обиход. Кирпич брали официально и неофициально, и на городские постройки его употребляли, и на частные... Из кирпичей башни, где сидела, по преданию, Мария Мнишек, в одном кабаке даже печка сделана. Говорят (впрочем, только говорят), что будто и часть городских рядов построена из этой же стены. А может быть, даже и правда это, если взглядеться в них поближе, так они ничуть не моложе с виду самой крепости и они тоже грозят разрушением. Упадут, развалятся – и никто не увидит этого. Да и кому увидеть?! Бутарей и дворников на улице никогда нет, даже днём, а уж о ночи и говорить не стоит. Да и что делать ночью? Всё равно ничего не видно за два шага! И куда деваются фонари? Днём что ни шаг, то фонарь, а ночью разве где-нибудь на углу за ^ версты один от другого блестит, мерцающая жёлтым светом сквозь замёрзлые стёкла, словно позабытый людьми и судьбою, как будто для того и зажжены, чтоб показать приезжему человеку, что, мол, и у нас есть фонари. А коломенцам не надо – ночью они никуда не ходят. С 8 часов вечера завалятся и спят себе сном праведника до восьми же утра, не зная, что кругом делается, держась лишь одной пословицы: «спишь больше, грешешь меньше»!

Город сонный, без сомненья,
Жизнь спокойна в нём, легка,
И Коломна от движенья,
От прогресса далека —
Здесь не видно оживленья,
Всю неделю город спит
И лишь только в воскресенье
Принимает новый вид!..

Всё оживает. По Большой улице гуляют разодетые обывательницы и обыватели, которые не имеют своих рысаков, глядя с завистью на других баловней судьбы, летающих в перегонку, в одиночку верхом на парах взад и вперёд. Особенное внимание прекрасного пола в последнее время привлекают к себе уланы, к крайней досаде местных дон-жуанчиков разных видов, званий, состояний, холостых и женатых, а у нас их немало последнего сорта, т. е. женатых... Актриса С., игравшая последнее время на нашем театре, не одного из них ранила стрелой амура в пылкое купеческое сердце сквозь толстый бумажник.

Но сильней всех ей был ранен
Из купцов один Ш.....

Не буду договаривать – кто: кому надо, сами докончат строчку, пуля найдёт виноватого!.. Да, впрочем, уж наверно и без меня знают эту историю – здесь все ведь только и занимаются сплетнями, далеко в них не забираются, а ограничиваются только тем, что «у трактирщика Власа сын родился», – «Пётр Иванович упал, и у него нашлёпка на носу», и т. п. А чтоб залезть в разные серьёзные мировые вопросы – упаси Бог!.. Не то что низший класс, даже интеллигенция не дерзает этого. Так, во всех новых журналах за прошлый ноябрь месяц передовые статьи не разрезаны. И когда я обратил внимание одного из членов клуба на это, указывая на «Письма к тётеньке» Щедрина, то он ответил мне:

– Э, батенька мой, у нас и без этих глупостей дела-то довольно, тут еле успеваем «Московские Ведомости» прочитывать – а то ещё какие-то «Письма к тётеньке»!

Зато как же развит винт у нас!.. Чуть даже кто посторонний приезжает в дом с визитом, так ему вместо «здравствуйте» предлагают карточку взять. Винт занял все умы.

Винт только всех и занимает,
И в картах наша жизнь идёт,
Винт дам и юношей питает,
Отраду старцам подаёт!

В домах винт, в клубе винт... Впрочем, в клубе во время семейных вечеров играют в фанты, в верёвочку и в колечко. Вот бы и московское дворянское собрание приняло бы это к сведению, чем драться, всё лучше. Сердце радуется у постороннего человека, глядя на такое невинное препровождение времени... Лишь у бедных актёров болит душа от этого! Сидя за винтом, все позабыли театр. Театр помещается в д. Фролова, где находится и лучшая гостиница в городе; театр очень чистенький, довольно хорошо отделанный, с обстановкой даже очень приличной для Коломны, но, к несчастью бедного искусства, позабытого за винтом, он почти совсем не посещаемый публикой. А уж какие штуки ни пускают актёры! Напр., афиша гласит, что во вторник, 15 декабря, в бенефис актриски Матвеевой, представлена будет драма «Каменный гость».

II

Полагали мы, что закон о частных поверенных уменьшит у нас адвокатов, на самом же деле корпорация их увеличилась. Просматривая список этих благодетелей рода человеческого, мы нашли в нём одного кончившего курс в университете, одного в межевом институте, а остальные составляют букет из бывших воспитанников уездного и приходского училищ. Некоторые даже совсем не окончили курса и в этих убогих школах, а были исключены «за великовозрастие». Сим последним брехунам, положим, и дела поручаются несложные, а именно: взыскания по беспорным обязательствам, защита по уголовным делам, подсудным мировым учреждениям. На поприще последних дел более всех подвизается некто по-простонародному «Угорелый», который, изучив судебные уставы и таская их всегда под мышкой, до того надоел своими советами и уроками судопроизводства по трактирам, что его гонят везде и всюду. Он и ему подобные дровокатских дел мастера только замедляют разбирательства дел у мировых судей, коверкая и запутывая факты, щеголяя заученной фразой, извергнутой каким-нибудь более порядочным брехуном на более обширной говорильне, что подчас затемняет дело, и мировой судья становится в тупик. Довольно резкий отпор сим говорильным машинам даёт

мировой судья Агафонов, не увлекающийся их пустословьем, не придавая значения их речам. Дела, решённые им, редко отменяются съездом.

Суд над бывшими нашими мировыми судьями гг. Осиповым и Михайловым с К^о, обвиняющимися в подлоге, окончился оправданием всех подсудимых. Радость по этому поводу была так велика, что один из оправданных поспешил скорей выехать из Москвы, забыв даже расплатиться с адвокатом, честно исполнившим своё дело. Что ж делать? Забыл, и всё тут! Да это ничего, тут только одно лицо страдает, адвокат, а если вот, примерно, хоть гласные забудут – что они поставлены доверием целого уезда, вот это не совсем хорошо. Положим это так, к слову... У нас ничего подобного не было и быть не может. Впрочем, мало ли что и бывает!.. Связался же у нас один порядочный человек с г. Сорокоушкиным (или что-то вроде этого, Косушкин, Бутылочкин или т. п.). Дело вышло из-за баллотировки на экстренном земском собрании.

Да о таких кабацких людишках, как Косушкин, не стоит и говорить, тем более что есть более интересные случаи. Разве не интересно, что сгоревшую клеёночную фабрику учредители её стараются всучить тысяч за 30 городской думе для постройки казарм! Впрочем, здесь не Москва, не надуют!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.